

Глава 1

Я сижу в большом кресле. Квадратное, с широкими подлокотниками, оно настолько удобное, что мне не хочется покидать его. Кожа выделана под винтаж. «Потрепанность», так это называется. На самом деле, не совсем мой стиль, но, вне всякого сомнения, это самое удобное и мягкое кресло, в котором я когда-либо сидела. Неудивительно, ведь оно стоит более двух тысяч долларов.

Я жду человека, который устроит мне собеседование. Это его магазин — «Мебельный улей». На самом деле у меня нет никакого желания здесь находиться — если не считать кресла, — поэтому я поскорее покончу с этим, а потом отправлюсь домой.

Владелец магазина заходит и хмуро смотрит на меня. Я, стыдясь того, какое наслаждение получала от его мебели, поспешно встаю, чувствуя, как краска разливается по шее, и пожимаю ему руку.

— Здравствуйте, я Джек. Прошу прощения, повторите еще раз, как вас зовут?

— Клэр.

Он дергает головой — едва заметно — и улыбается, словно ожидает услышать хохму.

— Меня так зовут! — чирикаю я веселым певучим голосом, который использую, когда хочу понравиться людям. Но Джеку, похоже, кажется, что я не соответствую своему имени. И он прав. Имя красивое, но на меня оно было потрачено впустую. Все Клэр высокие и элегантные. Хорошие, солнечные женщины с открытыми лицами и благими намерениями.

Про меня подобного не скажешь. Я настолько *не-Клэр*, насколько это вообще возможно. Я ленива и страдаю избыточным весом. У меня плохая кожа. Волосы у меня всегда обвисшие, сколько бы косметических средств я в них ни втирала. Всё во мне выцветшее и бурое. Мне больше подошло бы имя Шароле¹. Что-нибудь в таком духе. Или Корова. Хотя Эйприл утверждает, что я не толстая, а просто немного запустила занятия в тренажерном зале.

Джек расцепляет рукопожатие и быстро вытирает свою руку о карман пиджака.

— Так, хорошо... Прошу сюда.

* * *

Порой, когда у меня есть время подумать об этом — что, должна признаться, бывает нечасто, — я действительно нахожу себя странной. Раньше такого не было, но обстоятельства подтолкнули меня переступить чер-

¹ Шароле — французская порода домашнего скота (коровы, лошади и овцы).

ту. Теперь все остальные кажутся мне нормальными и хорошо приспособленными. У них есть друзья; они ходят в библиотеки, живут в пригородах и по воскресеньям смотрят, как их дети занимаются спортом, — а потом жарят во дворе своего дома барбекю. Они устраивают званые ужины и пьют ледяное шардоне из высоких запотевших бокалов на тонких ножках; они смеются над шутками, которые рассказывают друг другу, затем вспоминают какой-нибудь смешной случай из общего прошлого и долго спорят о том, кто помнит его лучше, — и все это напоминает эпизод из телесериала «Друзья». А я тем временем сижу у себя в комнате, ем кукурузные лепешки, обмакивая их в острый соус, и сопереживаю героям сериала «Месть»¹.

У меня есть лишь одна подруга: Эйприл. Я познакомилась с ней через интернет, когда искала себе жилье. «Большая комната в двухкомнатной квартире. Все включено!»

В комнате нет ничего сногшибательного. Первое время я считала, что назвать ее большой можно было с большой натяжкой — непреднамеренный каламбур, — но в ней хватает места для двуспальной кровати, втиснутой между стеной и ночным столиком. А еще в ней есть шкаф. На одной из его дверей красуется ростовое зеркало, которое я заклеила куском обоев. Окно выходит во двор; я предпочла бы улицу, но по крайней мере

¹ «М е с т ь » — американская мыльная опера, вышедшая на экраны в 2011 г.

там тихо. Кроме зимы. Потому что зимой масляный обогреватель сходит с ума, издавая такие звуки, будто по нему колотят молотком.

Эйприл усердно вкалывает — она юрист, занимается подбором персонала и постоянно занята. Ей удалось взять ипотеку, которую, по сути, частично выплачиваю я. Иногда Эйприл даже готова вместо денег брать вещами, как, например, взяла подарочный набор «Ив Сен-Лоран». Я стащила его в магазине, но сказала, будто мне вручили его в подарок за то, что я выложила в социальные сети очень хорошую фотографию основателя бренда. Похоже, Эйприл несколько не смутил разрыв на упаковке там, где был приклеен ценник.

— Ты формируешь мнения? — широко раскрыв глаза от удивления, спросила она.

Обмануть Эйприл так легко, что мне становится как-то не по себе, особенно если учесть, что работа ее заключается как раз в том, чтобы никто ее не обманывал. Эйприл спросила так лишь потому, что знает о моем пристрастии к социальным сетям, и, может быть, потому, что я изредка вру. Как-то раз, когда она спросила у меня, чем я занимаюсь, часами уставившись в экран, я показала ей гламурные снимки, сделанные другими людьми, и сказала, что все они мои.

На самом деле я работаю всего дважды в неделю, по утрам, а все остальные дни провожу, зависая в телефоне и издеваясь над пользователями «Инстаграма». В этом есть что-то странное? Я не знаю. Иногда говорю себе, что раз я не обитаю в темном подземелье, питаюсь

содранной со стен плесенью, то со мной всё в порядке. Я не сумасшедшая. Это просто навязчивая страсть.

Она началась так же, как и любое пристрастие к социальным сетям: мне захотелось посмотреть, чем сейчас занимаются все те, кого я когда-то знала. В первую очередь речь шла о девочках, вместе с которыми я выросла. Они вели тот же самый роскошный образ жизни, что и я, их родители были завсегдатаями тех же самых клубов для избранных, что и мои родители, и даже пользовались услугами тех же самых стилистов и продавцов-консультантов. Они отдыхали там же, где отдыхали мы: зимой — на горнолыжном курорте в горах Колорадо, летом — на островах Карибского моря, по выходным — в престижных Хэмптонсе¹ или в Кейп-Коде². Я не знала никого за пределами этого мира до тех пор, пока не оказалась отрезана от него.

Через какое-то время наблюдение за бывшими знакомыми превратилось в нечто большее, чем увлечение. По сути дела, эти женщины жили моей жизнью. Я представляла себя на их фотографиях, вырезала свое лицо и накладывала вместо их лиц. Я воображала, будто замужем за их мужьями или помолвлена с каким-нибудь крутым типом, который окончил престижный университет и готовится сменить своего отца во главе крупного финансового фонда. Как и у них, у меня к насто-

¹ Хэмптонс — несколько деревушек на о. Лонг-Айленд, также известных как американский Лазурный Берег.

² Кейп-код — самая восточная точка штата Массачусетс.

ящему времени уже должны были быть дети, а также невероятно важная и блестящая работа. Как и они, я должна была быть страшно занята, разрываясь между идеальной личной жизнью, идеальной карьерой и идеальными детьми! Однако на самом деле я абсолютно свободна — если не считать сомнительной работы в кабинете доктора Лёве по утрам два раза в неделю; вот почему у меня есть время копаться в «Инстаграме».

Моя страничка в интернете не имеет с реальной мной ничего общего. Кого заинтересует угрюмая, недовольная всем двадцатичетырехлетняя неудачница? Мои пятьдесят пять подписчиков считают меня «публицистом-фрилансером, неисправимой оптимисткой». Я выкладываю коллажи общедоступных фотографий. На них я, которая не я, в экзотических местах, мой лжеофис со *сногшибательной* «доской желаний», мой крутой приятель (по крайней мере, его затылок) в постели, частично прикрытый скомканной простыней. На самом деле просто невероятно, насколько все это легко! Я даже особо не парилась. Меня интересует только издевательство над своими бывшими «подругами».

Так что нет, никакие там мнения я не формирую. Об этом нечего и говорить. Но я отдала Эйприл украденный набор в качестве арендной платы за целый месяц, что было очень кстати.

И на этом собеседовании я сейчас только из-за нее. В противном случае я ни за что не стала бы себя утруждать, но у Эйприл есть *это*. Вера в меня, как я это на-

зываю. Она упорно старается вытащить меня из нужды. Словно миссионер, присланный в чужую страну проповедовать силу позитивного мышления, где чужая страна — это я.

— Эйприл, я не хочу, чтобы меня отсюда вытаскивали. Мне нравится моя нужда. Потребовалось столько усилий, чтобы в ней оказаться... С какой стати мне от нее отказываться?

— Ты упиваешься собственными страданиями. Я просто не понимаю, почему ты на себя плюнула. Ты очень красивая. Просто, сама знаешь, нужно привести в порядок кожу, сделать макияж, каждый день ходить гулять — и ты мгновенно сбросишь несколько фунтов. Ты сама себя не узнаешь.

— Из тебя получился бы великолепный оратор-вдохновитель. Или глава религиозного культа.

— Ты сама не понимаешь, чего себя лишила, только и всего. Найди работу. Почаще выходи из дома. Заведи друзей, и ты сама увидишь.

— Как скажешь... Оладьи еще остались?

...Владелец «Мебельного улья» — хороший знакомый Эйприл. Он мимоходом обмолвился ей, что магазин ищет нового администратора, человека, который будет вести учет, выписывать счета, и — для нее это стало решающим аргументом — *который будет заниматься маркетингом в социальных сетях*. Она порекомендовала меня.

— Это тебе идеально подходит. Ты — как раз та, кто ему нужен.

— Но у меня уже есть работа.

— Отвечать на телефонные звонки два дня в неделю едва ли можно назвать успешной карьерой. Даже если за это хорошо платят.

Эйприл частенько недоумевает, как мне удастся платить тысячу триста двадцать долларов в месяц за аренду, работая два раза в неделю по полдня в маленьком медицинском кабинете на окраине. Подобно большинству людей, если б могла вообще не работать, я не работала бы. Однако от тех денег, что были в нашей семье, давным-давно не осталось и следа. Но мне повезло: когда я заглянула к своему врачу за рецептом антидепрессантов, его секретарша только что уволилась, поскольку одного из пациентов вырвало на ее босоножки. В кабинете воцарился полный хаос, и я предложила: «Доктор Лёве, я вам вот что скажу: сегодня я отвечаю на все ваши звонки, а затем следующие пять приемов у меня бесплатные. Как вам такое?» В конце дня мне предложили постоянную ставку. Я работала два дня в неделю за жалкие одиннадцать долларов в час с восьми утра до полудня, когда меня сменяла Салли, другая секретарша.

На второй неделе я пришла в кабинет на двадцать минут раньше срока и застала доктора Лёве получающим удовольствие с помощью интернет-странички, посвященной большим сиськам.

— Если хотите, можете пощупать мои, — предложила я. — Сто долларов.

Груды у меня большие, и в настоящее время не используются. Я рассудила, что можно заставить их не-

много поработать. Все получилось просто замечательно. Настолько, что мое еженедельное жалованье поднялось до двухсот пятидесяти долларов. Ну а что? Я ленива.

Нужно ли говорить, что об этой стороне моей работы Эйприл не знает, и когда она говорит: «В каждой работе есть достоинство, какой бы черной она ни была», — то имеет в виду обработку телефонных звонков.

— Но ты способна на большее, Клэр! Разве ты не хочешь сделать карьеру? Построить свою жизнь?

— Нет, не хочу. И у меня нет абсолютно никакого опыта. Я имею в виду, *реального* опыта в маркетинге.

— Это не маркетинг, Клэр. Это работа администратора. С широким кругом обязанностей. Вот в чем вся прелесть, разве ты не видишь? Ты *сможешь* стать маркетологом, потому что это у тебя будет хорошо получаться!

— Ну, в любом случае мне нечего надеть на собеседование, так что вопрос закрыт.

Эйприл печально покачала головой.

— Вечно ты преувеличиваешь...

И не успела я опомниться, как она уже оказалась в моей комнате, вытаскивая из шкафа одежду и швыряя ее через плечо на незаправленную кровать.

— Клэр, у тебя столько красивых вещей! Почему ты их не носишь?

— Потому что они мне не идут. Я даже не знаю, зачем храню их. — Выхватив у Эйприл из рук серебри-

стое вечернее платье, я скомкала его и отправила обратно в глубину шкафа.

В конце концов Эйприл остановилась на сшитом на заказ пиджаке спортивного покроя и расклешенных брюках в мелкую черную с белым клеточку.

— Это мое? — спросила я, забирая у нее плечики. Я даже не узнала этот костюм. Не стащила ли я и его тоже? — Даже не думай. Я буду выглядеть нелепо.

— Ты будешь выглядеть бесподобно! Профессионально, но с изюминкой. *Внушительно.*

Ленивые люди бывают на редкость упрямыми, и я — не исключение. Но если Эйприл на что-то настроилась, устоять перед ее натиском не сможет никто. В конце концов оказалось проще уступить, хотя я прекрасно понимала, что у меня практически нет никакой надежды получить работу.

...Но сейчас, когда я здесь, болтаю с Джеком и его коллегой Кейт, что-то меняется. Мне требуется какое-то мгновение, чтобы понять, в чем дело, но затем все встает на свои места. Я получаю *удовольствие*. У меня возникает мысль, что, может быть — *может быть*, — я справлюсь.

— Клэр, расскажите нам о себе.

Едва ли я скажу им правду, но это работа администратора, а обращаться с компьютером и отвечать на звонки я умею. К тому же у меня есть определенный актерский талант. Я осознала это много лет назад и неоднократно использовала себе во благо. Впрочем, Эйприл наверняка наговорила про меня уйму хорошего, потому что Джек

и Кейт спрашивают, нет ли у меня каких-либо мыслей насчет продвижения их торговой марки в социальных сетях. Вообще-то есть. Они слушают меня, им нравятся мои мысли, они делают заметки и задают вопросы, они благодарят меня за мои предложения, смеются над моими шутками, что всегда делает меня смелее. И когда тридцать минут спустя я ухожу, эта работа уже кажется мне прикольной. Джек и Кейт производят впечатление милых людей, и я начинаю жалеть о том, что не надела что-нибудь другое. Наряд, который на мне сейчас, принадлежит какой-то высокой и стройной девушке, излучающей уверенность. Истинной Клэр. И на ней — да, конечно, он кричал бы о классе, шике. На мне же он говорит... даже не знаю о чем. Прикольно.

Я выхожу из здания как раз в тот момент, когда мимо проходит женщина с собакой на поводке, какой-то маленькой черной поджарой зверюгой, которая тотчас же принимается лаять на меня, капая слюной с оскаленных клыков.

— Коко! Успокойся! — кричит женщина и виновато смотрит на меня. — Простите, простите, пожалуйста... Коко!

Однако у нее едва хватает сил удерживать непослушную тварь, и когда она тянет поводок обеими руками, ее хорошенькая розовая сумочка от «Кейт Спейд»¹ сползает у нее с плеча и падает на тротуар. Какое-то

¹ Кейт Спейд — американский модельер и предприниматель.